

БОЛЬШИЕ

КНИГИ

Морис Дрюон

ПРОКЛЯТЫЕ КОРОЛИ

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОРОЛЬ
УЗНИЦА ШАТО-ГАЙАРА
ЯД И КОРОНА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

ЖЕЛЕЗНЫЙ КОРОЛЬ

ПРОЛОГ

В начале XIV века Филипп IV, король, прославившийся своей редкостной красотой, был неограниченным повелителем Франции. Он смирил воинственный пыл властительных баронов, покорил восставших фламандцев, победил Англию в Аквитании, повел успешную борьбу даже с папством, закончившуюся так называемым Авиньонским пленением пап. Парламенты были в его распоряжении, а соборы — на его содержании.

У Филиппа было три совершеннолетних сына, так что он мог рассчитывать на продолжение рода. Свою дочь он выдал за короля Англии Эдуарда II. Среди своих вассалов он считал шесть иностранных королей, а союзы, заключенные им, связывали его со многими государствами, вплоть до России.

Он прибирал к рукам любые капиталы и состояния. Постепенно он обложил налогом церковную казну и земли, обобрал евреев, нанес удар по объединению ломбардских банкиров. Чтобы удовлетворять нужды казны, он прибегал к выпуску фальшивых денег. День ото дня золотые монеты становились все легче весом и стоили все дороже. Ужасающе тяжелым было бремя налогов; королевские соглядатаи буквально наводнили страну. Экономические кризисы вели к разорению и голоду, что, в свою очередь, вело к возмущениям, которые король топил в крови. Бунты кончались длинной вереницей виселиц. Всё и вся должны были покоряться, гнуть спину или разбивать себе лоб о твердыню королевской власти.

Этот невозмутимый и жестокий владыка вынашивал мысль о национальном величии Франции. При его правлении Франция была великой державой, а французы — несчастнейшими из людей.

Только одна сила осмелилась поднять голову — орден тамплиеров. Эта разветвленная организация, военная, религиозная и финансовая в одно и то же время, прославилась и разбогатела в период Крестовых походов.

Слишком независимое положение тамплиеров беспокоило Филиппа Красивого, а их неисчислимые богатства возбуждали его алчность. Он затеял против них судебный процесс. Второго такого судилища не знала история, ибо по ходу дела было привлечено около пятнадцати тысяч обвиняемых. Нет такой низости, к которой не прибегли бы судьи на этом процессе, длившемся целых семь лет.

Наше повествование начинается с последнего, седьмого года.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОКЛЯТИЕ

Глава I

КОРОЛЕВА, НЕ ЗНАЮЩАЯ ЛЮБВИ

В камине на ложе из раскаленных углей пылала целая сосна. Сквозь зеленоватые стекла в свинцовых переплетах просачивался скупой мартовский свет.

На высоком дубовом кресле, спинку которого украшали три резных льва — символ английского могущества, — сидела королева Изабелла, супруга Эдуарда II; подперев подбородок ладонью, опустив ноги на пурпурную подушку, она рассеянно глядела в камин, не замечая веселой игры огня. Двадцатидвухлетняя королева славилась удивительной белизной и нежностью кожи; золотистые ее волосы были заплетены в две косы и уложены над висками наподобие ручек греческой амфоры.

Придворная дама, привезенная из Франции, читала вслух королеве поэму герцога Гийома Аквитанского:

Не помяну любви добром,
Я не нашел ее ни в ком,
Мне некого воспеть стихом...

Певучий голос придворной дамы терялся под сводами зала, слишком просторной, чтобы женщина могла здесь почувствовать себя счастливой.

В изгнанье удаляюсь я,
Беда и горе ждут меня...

Королева, не знающая любви, вздохнула.

— Сколь прекрасны слова эти, — произнесла она, — можно подумать, что они писаны для меня. Увы! Прошли те времена, когда знатные сеньоры, вроде этого герцога Гийома, умели так же

хорошо сражаться, как слагать стихи. Когда, вы сказали, он жил? Два века тому назад! А словно вчера только написано.

И она вполголоса повторила:

Не помяну любви добром,
Я не нашел ее ни в ком...

Она задумалась.

— Прикажете продолжать, ваше величество? — осведомилась чтица, придерживая пальцем страницу с картинкой.

— Нет, милочка, не надо, — ответила королева. — Моя душа уже достаточно наплакалась сегодня...

Она поднялась и совсем другим тоном произнесла:

— Мой кузен Робер Артуа известил меня о своем прибытии. Позаботьтесь о том, чтобы, как только он придет, его немедленно провели ко мне.

— Он едет из Франции? Как вы, должно быть, рады, ваше величество!

— Хотела бы радоваться, но только привезет ли он нам радостные вести?

Дверь распахнулась, и на пороге появилась вторая придворная дама — тоже француженка, — она запыхалась и придерживала мешавшую бежать юбку кончиками пальцев. В девичестве Жанна де Жуанвилль, она вышла замуж за сэра Роджера Мортимера.

— Ваше величество, ваше величество! — закричала она. — Он начал говорить.

— Неужели заговорил? — спросила королева. — И что же он сказал?

— Ударил по столу и сказал: «Хочу».

Гордая улыбка осветила прекрасное лицо Изабеллы.

— Приведите его ко мне, — приказала она.

Леди Мортимер все так же поспешно выпорхнула из залы; вскоре она появилась в дверях, неся на руках пухлого, розового, толстенького младенца в возрасте пятнадцати месяцев, и поставила его у ног королевы. На нем было платьице гранатового цвета, все расшитое золотом, слишком тяжелое для такого малыша.

— Значит, месьир мой сын, вы сказали «хочу»? — произнесла Изабелла, нагнувшись и потрепав мальчику по щечке. — Я рада, что вы произнесли первым именно это слово: истинно королевская речь.

Ребенок улыбнулся матери и потерялся головенкой о ее руку.

— А почему он так сказал? — спросила королева.

— Потому что я не дала ему кусочек пирога, который мы ели, — ответила леди Мортимер.

По лицу Изабеллы пробежала улыбка.

— Раз он начал говорить, — сказала она, — я требую, чтобы с ним не сюсюкали, не лопотали бессмысленно, как обычно с дитятей. Не так-то важно, чтобы он умел говорить «папа» и «мама». Я предпочитаю, чтобы он поскорее выучил слова «король» и «королева».

В ее голосе звучала прирожденная спокойная властность.

— Вы сами знаете, милочка, — продолжала Изабелла, — в силу каких причин я выбрала именно вас воспитательницей моего сына. Вы внучатая племянница славного Жуанвилля, который совершал Крестовые походы вместе с моим прадедом королем Людовиком Святым. Вы лучше прочих сможете внушить этому дитяти, что он принадлежит Франции столько же, сколько и Англии.

Леди Мортимер склонилась в глубоком реверансе. В это мгновение первая французская придворная дама объявила о прибытии его светлости графа Робера Артуа. Королева выпрямилась в кресле, скрестила на груди свои белоснежные руки, желая придать себе особо царственный вид, но даже эта поза идола не могла скрыть ее сияющей молодости.

Паркетный пол залы затрясся, заходил под тяжестью двухсот шагающих фунтов.

Вошедший имел шесть футов росту, ляжки у него были обхватом не меньше дубового ствола, руки — как палицы. На голенищах сапог красной испанской кожи виднелась засохшая грязь; плащ, накинутый на плечи, был так широк, что мог бы вполне заменить одеяло. Даже с одним кинжалом у пояса он казался в полном воинском облачении. В его присутствии всё и вся вокруг сразу становилось слабым, непрочным, хрупким. Подбородок у него был круглый, нос короткий, тяжелая челюсть, могучая грудная клетка. И воздуха ему требовалось больше, чем прочим людям. Этому гиганту шел двадцать восьмой год, но его неестественная массивность прибавляла ему лет, так что на вид ему казалось все тридцать пять.

Стащив перчатки, он подошел к королеве, с легкостью, неожиданной в таком колоссе, преклонил перед ней одно колено и тут же поднялся, не дожидаясь разрешения встать.

— Ну как, мессир мой кузен, — спросила Изабелла, — благополучно ли вы совершили плавание?

— Отвратительно, мадам, чудовищно, — ответил Робер Артуа. — Буря поднялась такая, что я чуть было не отдал Богу душу вместе с потрохами. Я уж думал, что настал мой последний час, и решил исповедоваться перед Господом Богом в своих грехах. По счастью, их оказалось так много, что я не успел перебрать и половины, как показалась земля. Остальные я приберег для обратного пути.

От громовых раскатов его смеха в окнах задрожали стекла.

— Да, черт возьми, — продолжал он, — видно, я создан для того, чтобы колесить по земле, а не для того, чтобы барахтаться в соленой водичке. И если бы не любовь к вам, кузина, если бы не необходимость сообщить вам важнейшие известия...

— Разрешите, кузен, я покончу раньше с моими делами, — прервала его Изабелла. И, повернувшись к гостю, она кивнула на мальчика. — Мой сын начал сегодня говорить.

Потом обратилась к леди Мортимер:

— Мне угодно, чтобы он заучил имена своей родни и чтобы он как можно раньше узнал, что дед его, Филипп Красивый, — король Франции. Читайте ему с сегодняшнего дня вслух «Отче наш» и «Богородицу», а также молитву Людовику Святому. Слова эти должны запасть ему в сердце раньше, чем он поймет их разумом.

Изабелла была рада случаю показать французскому родственнику, потомуку одного из братьев Людовика Святого, свои заботы о воспитании сына и направление этих забот.

— Какое прекрасное воспитание получит благодаря вам этот молодой человек! — воскликнул Робер Артуа.

— Учиться царствовать начинают с младенчества, — ответила Изабелла.

Не подозревая, что эти слова относятся к нему, мальчуган с удовольствием заковылял по зале, озабоченно переступая ножками и спотыкаясь, как дети простых смертных.

— Трудно представить себе, что мы тоже когда-то были такими! — заметил Робер Артуа.

— Особенно трудно представить это, глядя на вас, кузен, — подхватила с улыбкой королева.

На мгновение она задумалась, стараясь вообразить себе чувства той женщины, что выносила под сердцем эту человеческую глыбу, и собственное чувство к сыну, когда он станет взрослым мужчиной...

Протянув ручонки, словно намереваясь схватить пламя своими крохотными пальчиками, мальчик направился к камину. Робер Артуа преградил ему путь, выставив вперед свой красный сапог. Ничуть не испугавшись, наследный принц обхватил эту ножищу ручонками, которые так и не сошлись вокруг нее, и уселся верхом на гигантскую ступню. Робер раза три-четыре подкинул его вверх. Наследный принц хохотал, в восторге от этой забавы.

— Ах, месьир Эдуард, — сказал Робер Артуа, — осмелюсь ли я впоследствии, когда вы станете могущественным владыкой, напомнить вам, что некогда качал вас на своем сапоге?

— Как раз вы и сможете напомнить ему об этом, — ответила Изабелла, — если вы навсегда останетесь нашим искренним другом... А теперь покиньте нас, — обратилась она к окружающим.

Обе французенки вышли, уводя ребенка, которому суждено было в один прекрасный день стать королем Англии Эдуардом III, если будет на то воля Провидения.

Робер Артуа молча ждал, пока захлопнется дверь.

— Ну так вот, мадам, — сказал он, — дабы увенчать то прекрасное воспитание, которое вы даете своему сыну, сообщите ему, пожалуйста, на будущем уроке, что Маргарита Бургундская, королева Наваррская, будущая королева Франции и тоже внучка Людовика Святого, скоро будет известна в народе под кличкой Маргарита Распутница.

— В самом деле? — спросила Изабелла. — Следовательно, наши подозрения оправдались?

— Да, кузина. И не только в отношении одной Маргариты. Но и в отношении двух других ваших невесток.

— Как? Жанны и Бланки?

— Насчет Бланки бесспорно. А вот Жанна...

Робер Артуа нерешительно повел своей огромной ручищей.

— Просто она более ловка, чем те две, — добавил он, — но я имею все основания полагать, что и она тоже отпетая развратница.

Он подошел ближе к трону, расставил для прочности ноги и бросил:

— Ваши три брата, мадам, рогаты — рогаты, как последние простаки!

Королева поднялась. Ее бледные щеки окрасил румянец.

— Если то, что вы говорите, правда, я этого не потерплю, — произнесла она. — Не потерплю подобного позора, не потерплю, чтобы моя семья стала всеобщим посмешищем.

— Французские бароны тоже не намерены этого терпеть, — ответил Артуа.

— Есть у вас доказательства? Назовите имена!

Робер Артуа с шумом выдохнул воздух.

— Когда вы прошлым летом вместе с вашим супругом посетили Францию, чтобы участвовать в празднествах, во время которых я имел честь наравне с вашими братьями быть посвященным в рыцари — ибо вы знаете, что на бесплатные почести у нас не скупятся, — заметил он ядовито, — так вот, в то время я поделился с вами своими подозрениями, а вы сообщили мне о ваших. Вы приказали мне быть начеку и обо всем извещать вас. Я ваш союзник; первый ваш приказ я исполнил и явился сюда, дабы исполнить второй.

— Итак, что же вы узнали? — нетерпеливо спросила Изабелла.

— Прежде всего то, что некие драгоценности исчезли из ларца вашей благородной, вашей добродетельной, вашей кроткой невестки Маргариты. А когда женщина тайком сбывает свои драгоценности, ясно, что она желает одарить любовника или купить себе сообщников. Это бесспорная истина, не так ли?

— Но ведь она может сослаться на то, что жертвует свои бриллианты Церкви.

— Ну, не всегда. А что, если брошь, например, была дана ломбардскому купцу в обмен на дамасский кинжал?..

— А вы узнали, на чьем поясе висит этот кинжал?

— Увы, нет, — вздохнул Артуа. — Искал, но сбился со следа. Развратницы слишком ловки, как я уже имел честь вам докладывать. Ни один олень в моем лесу в Конше не мог бы лучше запутать следы и сбить с толку охотника, чем эти дамы.

Изабелла сделала разочарованную гримаску. Робер Артуа предупредил слова, готовые сорваться с ее губ, предостерегающе подняв руку.

— Подождите, подождите, — воскликнул он. — Это еще не все. Честная, чистая, целомудренная Маргарита велела привести в порядок покои в старой Нельской башне, дабы, как она уверяет, творить там в одиночестве молитвы. Только почему-то молитвы творятся именно в те ночи, когда ваш брат Людовик находится в отлучке. А свет горит там за полночь. Ваша невестка Бланка, а иногда и ваша невестка Жанна тоже приходят туда помолиться. Хитрые бабенки! Если вы, скажем, спросите одну из них о ее времяпрепровождении, она вам ответит: «Как? Вы меня подозреваете? Но ведь я была с кузиной!» Одна согрешившая женщина — это слабенький редут. Но три спевшиеся бесстыдницы — это уже неприступная крепость. Только вот в чем дело: в те самые дни, когда Людовик отсутствует, в те самые вечера, когда в окнах Нельской башни горит свет, в этих обычно пустынных местах, на берегу у подножия башни, начинается движение. Люди видели, что оттуда выходили мужчины отнюдь не в монашеском одеянии и не с пением псалмов на устах, ибо не в ту дверь они метят. Двор безмолвствует, но в народе пошли толки, ибо, пока хозяин еще молчит, слуга уже распускает язык.

В пылу разговора Робер взволнованно размахивал руками, шагал по зале, под ногой его стонали доски, и полы плаща со свистом рассекали воздух. Одним из самых неопровержимых доказательств Робер Артуа считал игру своих крепких мускулов. Он старался убедить противника не словами, а выставляя напоказ свою физическую мощь; словно смерч, налетал он на опешившего собеседника; а грубость речей, так хорошо вязавшаяся со всем его обликом, казалось, говорила о полном прямодушии. Однако тот, кто дал бы себе труд поближе приглядеться к Роберу Артуа, невольно усомнился бы: уж не комедия ли все это, не ловкость ли фокусника? Ненависть, все замечающая, упорная ненависть горела в серых глазах гиганта; и молодая королева тоже только усилием воли сохраняла прежнее хладнокровие.

— Вы говорили об этом моему отцу? — спросила она.

— Дорогая моя кузина, вы же лучше меня знаете короля Филиппа. Он так верит в женскую добродетель, что согласится меня выслушать не раньше, чем я покажу ему ваших невесток в объятиях любовников. А с тех пор как моя тяжба проиграна, я не в особенной чести при дворе...

— Знаю, кузен, что с вами обошлись несправедливо, и, будь моя воля, причиненный вам ущерб был бы возмещен.

Робер Артуа бросился к королеве, схватил ее руку и прильнул к ней долгим благодарным поцелуем.

— Но как раз в связи с вашей тяжбой, — вполголоса спросила королева, — не станут ли говорить, что вы действуете из соображений мести?

Гигант подскочил:

— Конечно, мадам, я действую из мести.

Нет, действительно, этот великан Робер мог обезоружить любого! Хочешь заманить его в ловушку, поставить в тупик, а он вдруг распахивает перед вами, как окно, всю свою душу.

— У меня отняли мое наследственное графство Артуа, — закричал он, — и отдали его моей тетушке Маго Бургундской... этой суке, прощельге, чтоб она сдохла, чтоб ей проказа все лицо разъела, чтоб у нее все нутро сгнило! А чем она добилась успеха? Только хитростью, интригами, да еще тем, что сумела вовремя позолотить ручку советников вашего батюшки. Потому-то ей и удалось женить ваших братьев на двух своих распутных дочках и своей столь же распутной кузине.

Увлечшись, он стал представлять королеве воображаемый диалог между своей теткой Маго, графиней Бургундии и Артуа, и королем Филиппом Красивым.

— «Дорогой мой сеньор, мой родич, мой кум, а что, если вы выдадите мою любимую крошку Жанну за вашего сына Людовика? Как, он не хочет? Считает, что она слишком худа?... Ну что ж! Дайте ему в жены Маргариту... Филиппу — Жанну, а вашему чудесному Карлу мою душечку Бланку. Как же мы будем радоваться их любви! И потом, если мне уступят Артуа, которым владел мой покойный брат, графство Бургундское отойдет нашим птенчикам. Ах, мой племянник Робер? Да выкиньте наконец этому псу какую-нибудь кость! Пусть получает замок Конш в графстве Бомон, этой деревенщине за глаза хватит». И давай нашептывать разные подлости нашему Ногаре, сулить золотые горы Мариньи, и вот выдает замуж одну, выдает замуж вторую, выдает замуж третью. И когда дело сделано, наши крошки-шлюхи начинают сговариваться, слать друг другу письма, добывать себе любовников и из сил выбиваться, лишь бы украсить рогами корону Фран-

ции... Ах, будь поведение их, мадам, безупречным, я бы еще как-то сумел обуздать свою досаду. Но дочери графини Бургундской узнают, с кем имеют дело, не беспокойтесь, я вымещу на них все то зло, что причинила мне тетушка, тем паче что и ведут они себя недостойно и изрядно насолили мне.

Изабелла задумчиво внимала этой словесной буре.

Артуа приблизился к королеве и произнес вполголоса:

— Они вас ненавидят.

— Надо сказать, что и я, со своей стороны, с самого начала недолюбливала их без всякой на то причины, — ответила Изабелла.

— Вы не любите их потому, что они лгуны, потому, что думают только о наслаждениях и забывают о своем долге. Но они-то, они ненавидят вас потому, что завидуют вам.

— Однако ж служба моя не слишком завидна, — вздохнула Изабелла, — их положение кажется мне куда приятнее, чем мое.

— Вы королева, мадам, — королева по духу и по крови. Пусть ваши невестки носят корону, королевами они никогда не будут. Вот поэтому-то они относятся и будут относиться к вам столь враждебно.

Изабелла вскинула на кузена свои прекрасные голубые глаза, и Артуа понял, что сумел коснуться чувствительной струнки. Отныне Изабелла целиком была на его стороне.

— Известны вам имена... ну... тех людей, с которыми мои невестки... — спросила она.

В отличие от своего родича Артуа Изабелла не любила прибегать к сильным выражениям, и иные слова просто не шли с ее губ.

— Не знаете? — допытывалась она. — Но без этого я не в состоянии что-либо предпринять. Узнайте, и клянусь вам, я немедленно под любым предлогом прибуду в Париж и положу конец всем этим безобразиям. Иначе как и чем я смогу помочь? Сообщили ли вы о ваших подозрениях моему дяде Валуа?

Изабелла снова говорила решительно, властно, твердо.

— Признаться, я воздержался от разговоров с его высочеством графом Валуа. Хотя он мой покровитель и лучший друг, но ведь он прямая противоположность вашему батюшке. Он разнесет повсюду то, что предпочтительно держать в тайне, он до срока спугнет дичь, и, когда распутницы попадутся в западню, они окажутся святее монашек...

— Что же в таком случае предлагаете вы?

— По-моему, надо избрать двойную тактику. Во-первых, представить к мадам Маргарите новую придворную даму, которая будет блюсти наши интересы и давать нам нужные сведения. Для этой роли рекомендую мадам де Комменж, она недавно овдовела, и ей охотно пойдут навстречу. Вот тут-то нам и может пригодиться ваш дядя Валуа. Напишите ему письмо, в котором вы выразите свое желание устроить судьбу несчастной вдовы. Его высочество граф Валуа имеет огромное влияние на вашего брата Людовика, и может статься, что он, желая лишний раз показать свою власть, незамедлительно введет мадам де Комменж в Нельский отель. Таким образом, в самом сердце крепости мы будем иметь своего лазутчика, а недаром у нас, людей военных, говорится: шпион в стенах крепости стоит целой армии у крепостных стен.

— Хорошо, я напишу письмо, и вы его отвезете, — сказала Изабелла.

— Во-вторых, надо усыпить подозрения ваших невесток на ваш счет, а для этого следует приласкать их, ну, скажем, отправить им какие-нибудь подарки подороже, — продолжал Артуа. — Притом такие, что одинаково подходили бы и мужчинам, и дамам; отправьте их тайком от всех, не предупреждая ни отца, ни братьев, под предлогом маленькой дружеской тайны. Маргарита уже опустошила свой ларец ради прекрасного незнакомца; если удача нам улыбнется, мы наверняка обнаружим нашу драгоценность на вышеупомянутом кавалере — неужели Маргарита не пожелает одарить его, тем более что происхождение подарка останется в тайне. Дадим же им великолепный повод совершить неосторожный поступок.

С минуту королева сидела в раздумье, потом приблизилась к двери и хлопнула в ладоши.

Вошла первая французская дама.

— Вот что, милочка, — обратилась к ней Изабелла, — соблаговолите принести поскорее золотой кошель для милостыни, тот, что предлагал мне утром купец Альбицци.

Пока придворная дама ходила за кошельем, Робер Артуа, забыв на время свои заботы и козни, огляделся вокруг: стены высокой залы были покрыты фресками на библейские сюжеты, резной дубовый потолок имел форму шатра. Все было ново, грустно,

от всего веяло холодом. Мебель прекрасной работы терялась в огромных покоях.

— Да, место не из веселых, — сказал он, окончив осмотр. — Больше похоже на собор, чем на дворец.

— Благодарение Богу, что не на тюрьму, — вполголоса ответила Изабелла. — Если бы вы знали, как временами я тоскую о Франции.

Робера поразили не так слова королевы, как тон, которым они были произнесены. Он вдруг понял, что существуют две Изабеллы: одна — молодая государыня, сознающая свое высокое положение и даже несколько нарочито подчеркивающая свое величие, а за этой маской — страдающая женщина.

Французская дама принесла подбитый шелком кошель, сплетенный из золотых нитей; застежкой ему служили три драгоценных камня, каждый величиной с ноготь большого пальца.

— Чудесно! — воскликнул Артуа. — Как раз то, что нам надо. Для дамского обихода, правда, чуточку громоздко, но зато кто из наших придворных щеголей не мечтает прицепить к поясу такой кошель, чтобы блеснуть в свете...

— Закажите два таких же кошелья купцу Альбицци, — приказала Изабелла придворной даме, — и велите сделать их немедленно.

Когда придворная дама вышла, Изабелла обратилась к Роберу Артуа:

— Вы доставите их во Францию.

— Никто не узнает, что подарки привез я, — ответил Робер.

Снаружи раздались крики и смех. Робер Артуа подошел к окну. Во дворе артель каменщиков поднимала вверх, к своду строящегося здания, каменную плиту, украшенную рельефным изображением английских львов. Половина рабочих тянула веревки на блоках, остальные, взобравшись на леса, готовились принять плиту. Дело шло споро и весело.

— Как видно, король Эдуард по-прежнему любит каменно-строительные работы.

Среди рабочих он узнал короля Эдуарда II, супруга Изабеллы, красивого широкоплечего и широкобедрого мужчину лет тридцати, с волнистыми густыми волосами. Его бархатный камзол был забрызган известью.

— Вот уже пятнадцать лет, как начали перестраивать Вестминстер! — гневно воскликнула Изабелла (слово «Вестминстер» она произносила на французский манер: «Вестмостье»). — Шесть лет прошло со дня моей свадьбы, и все шесть лет я живу среди лопат и корыт с известью. Построят одно, а через месяц уже ломают. И не воображайте, что король любит каменные работы — он любит каменщиков! Вы думаете, они говорят ему «сир»? Они зовут его просто Эдуард, шутят над ним, а он от всего этого в восторге. Да посмотрите сами!

Эдуард II отдавал приказания, обнимая за шею молоденького рабочего. Во дворе царила какая-то двусмысленная фамильярность. Каменных английских львов снова опустили на землю, очевидно не найдя для них подходящего места.

— Я думала, что хуже, чем при рыцаре Гавестоне, уже быть не может. Этот наглый и хвастливый беарнец так ловко управлял моим супругом, что, в сущности, управлял самим королевством. Эдуард подарил ему все мои драгоценности из свадебного ларца. Очевидно, в нашей семье уж так повелось, что драгоценности, принадлежащие женщинам, тем или иным способом перекочевывают к мужчинам!

Наконец-то Изабелла могла излить близкому человеку, родственнику, свою душу, поведать о своих горестях и унижениях. Нравы Эдуарда II были известны всей Европе.

— В прошлом году баронам и мне удалось свалить Гавестона: ему отрубили голову, тело четвертовали и выставили напоказ в четырех главных городах королевства, — удовлетворенно улыбаясь, закончила Изабелла.

Выражение жестокости, омрачившее это прекрасное чело, отнюдь не смутило Робера Артуа. Надо сказать, что подобные явления были в те времена делом самым обычным. Нередко бразды правления вручались подростку, которого могущество власти увлекало, как занятная игра. Еще вчера он забавы ради отрывал крылышки у мух, а сегодня мог забавы ради отрубить голову человеку. Такой слишком юный властелин не боялся, да и просто не представлял себе смерти и поэтому не колеблясь сеял ее вокруг себя.

Изабелла взошла на престол в шестнадцатилетнем возрасте; за шесть лет она весьма преуспела в ремесле государей.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава III. Венчание в полночь	613
Глава IV. Комета	623
Глава V. Кардинал насылает порчу на короля... ..	627
Глава VI. «Беру графство Артуа под свою руку»	636
Глава VII. В отсутствие короля	646
Глава VIII. Монах умер	651
Глава IX. Траур над Венсенном	661
Глава X. Толемеи молится за короля	668
Глава XI. Кто будет регентом?	673
Историко-биографическая справка	
<i>Перевод Леонида Ефимова</i>	681
Примечания. <i>Перевод Леонида Ефимова</i>	
	696